

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО УНИВЕРСУМА

Когда речь заходит о герменевтике, то чаще всего под этим имеется в виду тот способ, каким истолковывается или интерпретируется какая-либо книга, манера поведения, событие, произведение искусства или знак. Под герменевтикой Библии понимается истолкование или интерпретация Библии, под герменевтикой этического опыта – истолкование или интерпретация того, что представляет собой этический опыт, и т.д. Но при этом само слово «герменевтика» остается не до конца проясненным и зачастую весьма произвольно используется как в подходящих, так и не в подходящих случаях. Поэтому представляется уместным с самого начала определиться с своего рода разграничением всех значений слова «герменевтика».

Когда священник интерпретирует текст Евангелия или преподаватель английского – трудный шекспировский пассаж, то, хотя в этом случае и производится некоторое содержательное определение того, что скрывается за данным текстом, говорить о герменевтике в полном смысле этого слова, пожалуй, все же рискованно. С другой стороны, содержательное объяснение или интерпретация текста, произведения искусства, поведения того или иного человека уже имеет прямое отношение к герменевтике, пускай при этом и лишено каких бы то ни было размышлений о методах и предпосылках интерпретации; но герменевтика такого рода, будучи, так сказать, практикой повседневности, с точки зрения того, что мы столь громко именуем словом «Наука», кажется несерьезной и тем самым недостойной ее (Науки) внимания. На мой же взгляд, это не только не обесценивает, но и, наоборот, усиливает и возвышает значение герменевтики, поскольку находится в самой тесной связи с жизнью любого конкретного человека.

Следующий шаг – это вопрос о правилах и методах, которые используются при интерпретации, к примеру, вопрос о том, с помощью каких правил или метода можно толковать Библию. В этом случае речь уже идет о герменевтике, поскольку герменевтика спрашивает о тех правилах, которые применяются при истолковании или интерпретации текстов. Эти правила можно отнести к тому, что при интерпретации всегда должна учитываться ситуация, в которой возник тот или иной текст, и что отдельные его части нужно постигать исходя из целого, а целое, в свою очередь, должно интерпретироваться в свете отдельных частей. История герменевтики, т.е. история учения о правилах, которые используются при интерпретации текстов, постоянно – отбирая одни и отбрасывая другие – имеет дело с теми правилами, которые необходимы нам при интерпретации текстов. Библия, литературные и философские тексты оказываются теми мыслительными объектами, которые

развивают и расширяют вопрос о том, по каким правилам нужно осуществлять интерпретацию.

Философской же герменевтика становится тогда, когда спрашивает уже не о правилах, которые используются при интерпретации текста, а о самой возможности понимания и интерпретации языковых выражений, знаков, символов как таковых, об условиях возможности, при которых мы можем истолковывать и интерпретировать тексты. Как возможно то, что мы можем интерпретировать какой-либо текст или поведение какой-либо личности? При каких условиях становится возможным истолкование текста? Одна из предпосылок – это, так скажем, тот костяк, на который опирается фактическое истолкование, и именно благодаря этим опорам становится возможной интерпретация. Прежде чем перейти к истолкованию текста, уже нужно иметь в распоряжении такой поддерживающий костяк, подобно тому, как при строительстве дома сперва воздвигаются леса, которые позволяют в дальнейшем возвести сам дом. И точно так же, как и при строительстве, этот остов, как только он утрачивает свою функцию поддержки, в любую минуту может оказаться ненужным. В первых двух «герменевтических» случаях, описанных выше, такой обуславливающий остов тоже присутствует, но остается незамеченным, поскольку можно хорошо интерпретировать и не спрашивая о тех предпосылках, которые делают возможной саму эту интерпретацию.

Однако в философской герменевтике всё не сводится просто к вопросу об условиях возможности того или иного конкретного философского, религиозного или литературного текста. Интерес здесь, скорее, вызывает вопрос об условиях возможности истолкования, понимания и интерпретации как таковых. Это, так сказать, попытка постичь сам процесс интерпретации. Поэтому-то философская герменевтика и охватывает намного более широкую область, чем просто герменевтика.

Понятие же герменевтической философии подразумевает то направление в области философии, которое реализовывалось главным образом в XX веке. Жесткие рамки толкования и значения представляются здесь необязательными и весьма условными, да и строгое последовательное разворачивание в логическую и понятийную систему уже не кажется подходящим для решения и разработки фундаментальных вопросов человеческого бытия. В философии Хайдеггера главной герменевтической сущностью становится сам человек. А это означает, что человек должен понимать и интерпретировать самого себя, чтобы знать, кто он таков и что собой представляет. А стало быть, всё, что уже предоставлено человеческому мышлению человеческим мышлением – касательно бытия, смерти, касательно религии, добра и зла и т.д. – всё это человеку нужно понять; он должен сам интерпретировать свою жизнь, основываясь на текстах, произведениях искусства, явлениях, которые предстают перед ним как перед истолкователем. Таким образом, герменевтическая философия пытается дать ответ на

основные вопросы человеческой жизни, истолковывая то, чем щедро одарила человека история и традиция, а сам человек становится для герменевтической философии герменевтическим существом, т.е. существом, которое должно понять и понимает себя самое. Поэтому совершенно формальным, так сказать, историческим ответом на вопрос «С каких пор существует герменевтическая философия?» был бы ответ, ограничивающий ее второй половиной XIX-го и XX веком. Ведь герменевтическая философия возможна с тех пор, как существует человек и мир, и пока есть сущее, которое может быть интерпретировано. Появление же понятия «герменевтическая философия» знаменует собой некий поворот, так сказать, метафизического рода: когда сущее стало интерпретируемым, а значит, перестало постигаться как уже заранее данная субстанция, произошло некоторое «онтологическое изменение» – изменение в познании бытия, благодаря которому и стала возможна герменевтическая философия. Поворот этот охватывает и все те импликации и последствия, которые привели к изменению статуса сущего: благодаря герменевтической философии изменился ответ на вопрос «Что есть сущее?». Изменилось бытие сущего. Когда говорят, что философская герменевтика заняла место онтологии, то это не означает, что онтология как вопрос о сущем как сущем исчезла: она *есть* больше, чем когда-либо, но только в облике философской герменевтики.

Вопрос о различии между философской герменевтикой и герменевтической философией ставился уже не раз. Для краткости обобщим: под герменевтической философией понимается герменевтическая, т.е. работающая с истолкованием и интерпретацией философия. Философская же герменевтика предполагает философию герменевтики, философию интерпретации, в которой ищутся предпосылки и условия возможности самого истолкования. Однако и в этом случае трудно еще провести четкую границу между двумя этими областями. И так или иначе при определении отношения между философской герменевтикой и герменевтической философией невозможно обойтись без самого слова «герменевтика», обойдя вопрос о ее происхождении и развитии.

Между герменевтикой как искусством объяснения, с одной стороны, и герменевтикой как теорией, касающейся объяснения, с другой, первоначально не проводилось никакого различия. Греческое *ἑρμηνεύειν* означает: выражать (высказывать, говорить), истолковывать (интерпретировать, объяснять) и переводить. Поэтому *ἑρμηνευτικὴ τέχνη* – это искусство или умение истолковывать. Поскольку *техне* – значит умение, которое предполагает талант, тренировку и определенные познания, то можно допустить, что в герменевтике умение и познание, так сказать, совпадают: тот, кто понимает свое ремесло, знает и его правила. Поэтому можно сказать, что герменевтическая активность отсылает нас как к содержательному пониманию и объяснению какого-

либо текста, так и к рефлексии касательно поиска тех правил, которые должны применяться при истолковании. Поиски надежных и незыблемых систем познания, в которых были перепроверены и правила для интерпретации текстов, были предприняты только в Новое время, когда считалось, что выработка строгого метода и четкая установка его придерживаться внесут ясность в познание действительности. И когда сегодня мы говорим о герменевтике, мы находимся всё в той же традиции науки Нового времени. Именно тогда слово «герменевтика» стало впервые использоваться в его сегодняшнем значении. Это означает, что герменевтика, понятая как вопрос о правилах и методе, начинается вместе с возникновением современного понятия метода и науки.

Однако всякое понимание и истолкование, как в библейско-геологическом, так и в историко-гуманитарном смысле, восходит к тем предпосылкам, прояснение и продумывание которых является первоочередной задачей философии. Тем самым поднимаются вопросы, которые имеют большое значение уже в общем философском плане: вопросы о возможности и методике самой философии. И таким образом проблема герменевтики становится основной проблемой и философского мышления современности. И если раньше под герменевтикой понималось просто «учение об искусстве» понимания, а стало быть, практическая наука, которая устанавливала правила правильного истолкования текстов, то сегодня благодаря философии герменевтике все более и более приподнимается тот занавес, за которым кроются более глубокие и основополагающие философские проблемы. Что вообще означает «понимание»? Как возможно историческое понимание, если каждый имеет свой собственный конкретный исторический и языковой горизонт понимания, определенный заранее и обуславливающий то четко определенное «пред-понимание», с которым человек подступает к миру и вещам в этом мире? Существует ли нечто такое, как слияние различных исторических горизонтов? Действительно ли благодаря самой истории, благодаря той исторической взаимосвязи, в которой сказанное когда-то слово сказывается на дальнейшем ходе истории, это слово входит в наш собственный горизонт понимания и таким образом становится возможным понимание свидетельств исторического прошлого? И не лежит ли в основе всего этого в качестве условия возможности исторического понимания некое более изначальное понимание: изначальное человеческое, но истолковывающееся исторически понимание себя и бытия? Уместно ли тогда ставить вопрос об истине? Не подчиняется ли наше познание целиком тем историческим событиям, которые обуславливают тот или иной, исторически изменяющийся горизонт понимания? Или же нас все же и в самой истории настаивает обязательное требование истины? Что же тогда означает это требование и как мы можем ему соответствовать? Это лишь некоторые вопросы, которое несет в себе слово «герменевтика», как мы его понимаем сегодня. Таким образом, речь уже идет

не только о проблеме теологического истолкования Писания, и не только об общих вопросах историко-гуманитарного понимания. Речь идет об основной философской проблеме – проблеме понимания, где понимание рассматривается в своей сути, где определяются его структуры, где спрашивается об его условиях и его границах. Ведь понимание относится к смыслу, поскольку оно его слышит, к традиции, поскольку оно ее интерпретирует, видоизменяет и обновляет, к иностранной речи, поскольку оно ее переводит, т.е. в общем: к языку, на котором оно говорит и который настолько же является языком вещей, насколько языком мышления. Понимание – это универсальный феномен, чье незаметное действие только и делает возможной связь человеческих индивидуумов – от отношений между двумя людьми до встречи различных культур, а кроме того обеспечивает их связь с миром, в котором они живут, и даже больше: определяет само существование этого мира.

Люди суть понимающие животные, навечно поставленные перед необходимостью расшифровывать те символы, в которых им представляется мир. Мы всегда присутствуем в мире, причем здесь, в этом мире, нам требуется понять других людей, вещи, мысли, настроения, явления, но само это «здесь», которое необходимо «застать», «настигнуть», чтобы свершилось Понимание, постоянно ускользает. Так как даже простая идентификация действительности всегда уже предполагает некоторую перспективу, и перспектива эта – интерпретация. Человек – существо интерпретирующее; для него не существует иного подхода к миру, к жизни, к себе самому. Вся его жизнь разворачивается в декорациях такого интерпретирования. И именно поэтому оно является первым и последним фундаментом действительности. Ведь и само сущее есть нечто, что получает свой облик, «становится видимым» лишь в интерпретации и через интерпретацию. Понятие же человека как того, без кого невозможна интерпретация мира, обеспечивает герменевтической философии особое место. Она интерпретирует различные свидетельства, толкования и интерпретации человека с оглядкой на то, что является основой этих интерпретаций: с оглядкой на самого человека.

Статья написана в рамках проекта «Феноменологические основания науки», поддержанного программой «Университеты России».